

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).072

Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия

Б. Л. Шапиро

Шапиро Белла Львовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии факультета истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, b.shapiro@mail.ru

Развитие кавалерийского искусства в России тесно связано с историей кавалерии. В контексте военного дискурса исследуется один из самых значимых для русской военной истории периодов – эпоха царствования Александра I (1801–1825). Важнейшую роль в этом процессе сыграла рецепция военного опыта XVIII столетия. Акцент в работе сделан на состоянии вопроса в три различные фазы модернизации кавалерии, связанные хронологически с несколькими периодами: 1801–1807 гг., 1808–1814 гг. и 1815–1825 гг. Проведенный анализ позволил охарактеризовать историю кавалерии в различные периоды царствования Александра I и сделать выводы о своевременном накоплении важного военного опыта в этот период, который стал основой для успешного развития отечественной кавалерийской школы в дальнейшем.

Ключевые слова: Романовы, Павел I, Александр I, Константин Павлович, Николай Павлович, Русская императорская армия, кавалерия.

Cavalry in the Alexander I's Reign: Reception of the 18th Century Military Experience

B. L. Shapiro

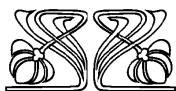
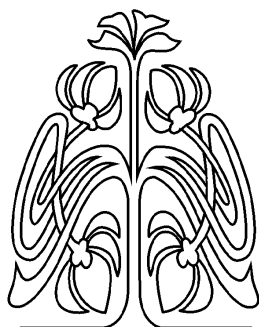
Bella L. Shapiro, <https://orcid.org/0000-0001-5616-8898>, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, Moscow 125993, Russia, b.shapiro@mail.ru

The development of cavalry art in Russia is associated with the history of cavalry. We research one of the most significant periods in Russian military history – the Alexander I's reign era (1801–1825), in the context of military discourse. A prominent role in this process played by the reception of military experience of the previous century is identified. The emphasis is on the three phases of cavalry modernization: 1801–1807, 1808–1814 and 1815–1825. The analysis made it possible to characterize the dynamics of the development of cavalry art in different periods of Alexander I's reign. We draw conclusions about the timely accumulation of important military experience in this period, which became the basis for the successful development of the Russian cavalry school in the future. **Keywords:** Romanovs, Pavel I, Alexander I, Konstantin Pavlovich, Nikolai Pavlovich, Imperial Russian Army, cavalry.

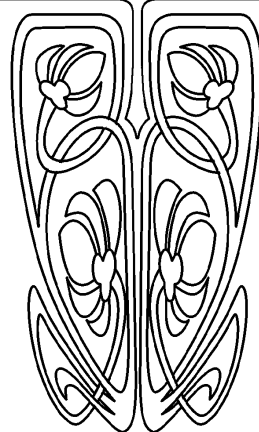
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-272-278>

Благодаря сумме принятых мер, настойчивости и постоянству требований кавалерия Российской империи в царствование Павла I за относительно небольшой временной период была приведена в наилучшее за всю ее предыдущую историю состояние. Именно тогда были определены те основы, на которых национальное кавалерийское искусство развивалось в следующие полвека. «Под Аустерлицем мы сражались так же, как маневрировали под Гатчиной», – резюмировал автор масштабного «Обозрения состава и устройства регулярной русской кавалерии...» полковник П. А. Иванов, подводя итоги развитию кавалерийского искусства к концу XVIII столетия¹. «Без Гатчины не было бы и Парижа», – вторил ему военный журналист ротмистр А. Л. Марков².

В первой половине XIX в. дело Павла I было продолжено сыновьями императора; старшие сыновья, получившие воспитание под

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

непосредственным руководством своего августейшего отца, осознавали значение его военной политики и военных реформ. Так, Александр I в первые годы после своего вступления на престол сохранил общее направление развития армии, включая и систему подготовки кадров; изменению подверглась лишь форма обмундирования.

Изучение русской кавалерии и отдельных кавалерийских школ имеет давнюю и богатую историю. Отечественная историография начинается с публикации А. В. Висковатова («Краткая история Первого кадетского корпуса», 1832). Работы начального периода носят описательный характер и зачастую приурочены к юбилеям русской военной или военно-образовательной истории (труды М. С. Лалаева, К. Н. Манзее, Г. А. Милорадовича, К. К. Штакельберга, С. А. Панчулидзева и многих других). Среди этого массива необходимо выделить обзорно-аналитические труды П. А. Иванова («Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии», 1864), М. И. Маркова («История конницы», 1886–1896) и А. К. Баиова («Курс истории русского военного искусства», 1913).

Следует также отметить обстоятельные истории отдельных кавалерийских школ, изложенные В. А. Потто («Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища», 1873), Н. Н. Буковским («XXV годовщина Николаевского кавалерийского училища», 1889), П. П. Шкотом («Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров», 1898) и Н. А. Дистерло («Офицерская кавалерийская школа», 1909).

В современной России обозначенная проблема все чаще привлекает внимание ученых. Как отдельное направление выделяется военная антропология. Начинается история военно-специального образования. Рассматриваются отдельные, узкие вопросы истории кавалерийских школ («"Дикий обычай"» Славной гвардейской школы. Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища» Р. В. Смирнова, 2010; «Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной» И. А. Пономарева, 2011; «Библиотека Офицерской кавалерийской школы: история создания и состав книжных фондов» А. М. Панченко, 2017 и др.).

Однако вопрос преемственности кавалерийской школы (как методики совершенствования кавалерийского искусства) при наличии трудов по кавалерийским школам (организациям) не был выделен, за исключением упомянутого труда П. А. Иванова (1864). Кроме того, один из ключевых периодов в истории развития русского кавалерийского искусства – царствования Александра I – не был определен как значимый. До настоящего момента он был рассмотрен лишь фрагментарно, в исследованиях А. К. Баиова («Курс истории русского военного искус-

ства. Эпоха императора Александра I», 1913) и А. И. Бегуновой («Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I», 2000). Поэтому представляется необходимым вновь обратиться к данному вопросу.

Предметом настоящего исследования избрана рецепция военного опыта предшествующего столетия великими князьями Павловичами как военачальниками, от которых непосредственно зависела судьба русской армии. На первый взгляд, предмет исследования отражает историю России, историю династии Романовых и ее военную историю. Однако он может быть рассмотрен и шире, как часть культурной истории России в рамках истории рецепции и интерпретации западноевропейской культуры.

Цель исследования – анализ динамики развития русской кавалерии в первой четверти XIX в., обусловленный рецепцией военного опыта предыдущего столетия (динамично и убедительно представленного М. И. Марковым³ и В. В. Тараториным⁴): именно осмысление накопленного опыта позволило Александру I в конечном итоге вывести кавалерию, унаследованную от отца, на новый, недостижимый прежде уровень развития. Для достижения результата потребовалось воссоздать историю русской кавалерии, ее этапные изменения и источники влияния на этот процесс.

Источниками нашего исследования послужили военно-административные документы первой четверти XIX в. и «летописи» отдельных полков и военно-учебных заведений. Методологической основой исследования явился хронологически-проблемный метод, который позволил в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории, показать причинно-следственные связи и закономерности ее развития, и метод периодизации, давший возможность выделить этапы развития вопроса.

Анализ ситуации в 1801–1807 гг. При вступлении на престол Александра I полевые войска состояли из 215 батальонов пехоты и 41 полка кавалерии. К началу 1807 г. состав армии возрос до 436 пехотных батальонов и 62 кавалерийских полков⁶. Нарачивание численности планировалось произвести главным образом через увеличение числа офицеров (а в гусарских полках еще и унтер-офицеров)⁷. Вследствие этого ощущался недостаток в офицерском составе; он усиливался потерями в действующей армии, которые во время военных действий 1805–1807 гг. были довольно значительными.

К началу царствования Александра I офицеров сухопутных войск готовили четыре школы: 1-й и 2-й кадетские корпуса, Гродненский (Шкловский) кадетский корпус и Дворянское отделение императорского Военно-сиротского дома⁸. В кавалерию офицеров выпускали из 1-го кадетского корпуса, где часть воспитанников обучалась манежной верховой езде и конной экзер-

циии еще со времен директорства Б. К. Миниха (и по тем же правилам)⁹. С 1778 г. начато обучение кавалерийскому искусству воспитанников старших классов Шкловского кадетского корпуса; обучение проводилось по инструкции для Лейб-гвардии Конного полка¹⁰. Воспитанники Пажеского корпуса, где также обучали верховой езде и кавалерийскому строю, выпускались преимущественно в Свиту. В новых условиях¹¹ сложившаяся в XVIII столетии система не удовлетворяла основным потребностям армии.

В итоге все перечисленные школы не давали требуемого армии количества офицеров. При почти полном отсутствии специализированных кавалерийских школ штаб-, обер-офицеры и нижние чины кавалерии (в том числе и конно-артиллерийская рота) ежегодно прикомандировывались к Конной гвардии «для узнания кавалерийской службы» в полковых условиях¹².

Для восполнения потребности армии в офицерах со специальным образованием требовалось решить следующие первоочередные задачи:

- 1) расширить количество или объем подготовительных и (или) учебных офицерских школ;
- 2) ускорить подготовку офицеров в уже существующих школах;

- 3) поскольку недостаток офицеров более всего чувствовался в кавалерии, развивать преимущественно кавалерийские школы;

- 4) усилить подготовку в кавалерийских школах в соответствии с догмой: «кавалерия, не умеющая ездить по правилам, не может принести никакой пользы и есть только одно бремя для своего государства»¹³.

Первым переустройству подвергся Пажеский корпус: в 1802 г. он был преобразован из придворного в закрытое привилегированное учебно-воспитательное заведение, куда принимали юношей от 10 до 12 лет. Главным направлением обучения было избрано военное. По окончании курса пажи выпускались офицерами в полки старой гвардии по своему выбору¹⁴. Кавалерийскому искусству пажи обучались по традиции, сложившейся еще в XVIII столетии, в придворном манеже при Зимнем дворце, где им выделялись особые дни и определенное время¹⁵.

Необходимо отметить, что в начале царствования Александра I основой обучения кавалерии все еще был павловский устав 1796 г.: он сохранял свою силу до 1812 г. Устав представлял собой близкую копию военно-административных документов Фридриха Великого, создателя сильнейшей конницы Европы середины и второй половины XVIII столетия. Недостатком устава был слабый отдел одиночного обучения: он не содержал указаний на оптимальное усложнение элементарной программы, следствием чего на местах было крайнее разнообразие в подготовке как всадника, так и его лошади¹⁶.

Эти недостатки были отчасти ликвидированы в 1805 г. в «Опыте наставлений, касающихся

до эскерциций и маневров кавалерийского полка» практическом руководстве, до недавнего времени приписываемом эскадронным командирам Кирасирского Военного Ордена полка¹⁷, представлявшем переложение французского кавалерийского устава 1801 г. В русскоязычном издании подробно рассматривалось пешее и конное учение (одиночное, эскадронное и полковое); предлагалось описание и рисунок правильной посадки на коне, посадки с палашом и методика рубки с коня¹⁸. Многие понятия и положения «Опыта» затем вошли в официальный устав¹⁹.

В 1807 г. по Высочайшему повелению был издан «Опыт начальной тактики» – перевод с французского с добавлением самостоятельного материала по результатам осмысления национального военного опыта предыдущих лет²⁰. Некоторые положения «Опыта» были идентичны текстам уставов Фридриха Великого, так как подготовленная им прусская кавалерия все еще имела репутацию одной из самых сильных в Европе; к ее безусловным достоинствам относили блестящую выучку и неукоснительное следование уставным тонкостям, а к недостаткам – излишний педантизм и явное предпочтение учебных целей боевым.

В итоге русская кавалерия получила руководство, вполне соответствующее реалиям своего времени.

Анализ ситуации в 1808–1814 гг. Начало послевоенного периода было ознаменовано открытием Учебного кавалерийского эскадрона (1809). Первоначально целью его создания называлась подготовка унтер-офицеров и музыкантов (из кантонистов) для кавалерийских полков по назначению Константина Павловича как генерал-инспектора кавалерии (эскадрон выпускал 100 унтер-офицеров и 25 трубачей ежегодно)²¹. Воспитанники были прикомандированы к Конной гвардии²², размещались в ее казармах и занимались в ее манеже под ежедневным наблюдением командира полка Константина Павловича, лично разъяснявшего эскадронным командирам приемы обучения (до 1813 г., когда великий князь оставил командование полком)²³. Константиновская система обучения новобранцев была жесткой. Этот подход был установлен еще при Павле I (и заимствован у легендарного Зейдлица): «Без седла и без стремян... с первого же дня рысью на корде, и с усилением хода каждый раз, когда всадник начинает терять посадку»²⁴. Другой источник отмечает, что при Павле I «сначала учили ездить в манеже на корде, на уздечке, без стремян, шагом и рысью; затем рекруту давали стремяна и обучали езде на мунштуке теми же аллюрами, а затем и галопом “прямым и косым фронтом”»²⁵.

В те годы в кавалерии была установлена введенная лично Константином Павловичем посадка на лошади. Согласно ей плечо, колено и носок всадника должны быть расположены по одной

отвесной линии. Она представляла собой вариант посадки, введенной Павлом I: «Чтоб грудь была у него (рекрута) назад, голову бы держал прямо, а корпус немного вперед, руки к телу; левую руку, как возможно, низко, но чтоб не лежала на седле, правую же руку... опускал бы прямо по лядвии, локтем к себе; ноги держал бы не очень вперед, шпоры далее от лошади, а носки в прямой линии с коленом»²⁶. Всадник, овладевший этой посадкой, выглядел презентабельно, но наука была крайне сложна для неопытных²⁷.

В 1810 г., с началом подготовки к войне с Наполеоном Бонапартом, стал очевиден недостаток специализированной подготовки выпускавшихся в кавалерию. В 1811 г. было открыто кавалерийское отделение при Дворянском полку – эскадрон на 110 дворян. Им были даны «доброезжие» лошади с амуницией от гвардейских полков, конюшни и манеж 2-го кадетского корпуса. Наставниками были ведущие офицеры гвардии²⁸. К началу боевых действий 1812 г. кадетские корпуса, Пажеский корпус и Дворянский полк подготовили во все рода войск более тысячи офицеров «храброго воинства, от которого, – согласно Высочайшему рескрипту на имя князя Кутузова, – Россия ожидала славы своей, а вся Европа – своего спокойствия»²⁹.

Состав регулярной конницы был увеличен с 2 тыс. чел. гвардейской и 47 тыс. чел. армейской кавалерии в 1805 г. до 5 тыс. чел. гвардейской и 65 тыс. чел. армейской кавалерии³⁰. В конце 1812 г. во всех кавалерийских частях увеличилось число эскадронов; теперь все кавалерийские полки состояли из шести действующих и одного запасного эскадрона. С этой реформой численность конницы увеличивалась на треть³¹; в очередной раз возросла потребность в офицерском составе³².

В это время дворянская молодежь спешила вступать в войска, откинув «презренный... фрак канцеляриста и помещичий халат»³³. По словам военного историка А. А. Керсновского, «все, что было в России горячего сердцем и чистого душой, одело мундир в Великий Двенадцатый год, и большинство не собиралось с этим мундиром расставаться по окончании военной грозы»³⁴. Число желающих поступить в корпус стало так велико, что к середине 1813 г. в Дворянском эскадроне числились 236 воспитанников³⁵. Тогда же в эскадрон вошли юнкера кавалерийских полков, прикомандированные для строевого обучения согласно «Положению о кавалерийских полках»³⁶.

В 1812 г. вышел кавалерийский устав «Предварительное постановление о строевой кавалерийской службе». Его особенность – сложные конные эволюции, отразившие переход кавалерии на новый уровень мастерства.

В Заграничных походах 1813–1814 гг. русские кавалеристы могли «лично познакомиться с принципами боевой подготовки и службы

прусской, австрийской и французской конницы, посетить школы верховой езды в Берлине, Вене, Версале и Сомюре... и когда русская армия вернулась домой, то военная администрация точно определила главное направление работы в кавалерии: заложить основание систематического, планомерного и всеобщего обучения солдат и офицеров манежной верховой езде»³⁷. Идеи Павла I и Фридриха Великого начинают осознаться как ушедшие в прошлое. Русская кавалерия вступает в новую эпоху.

Анализ ситуации в 1815–1825 гг. Знаковым для развития кавалерийского искусства в России был 1816 г. (и не только в России: именно тогда был открыт военный институт верховой езды в Берлине).

Известно, что массовое знакомство русских кавалеристов с берейторским искусством и с манежной ездой произошло только при Екатерине II, когда они были зафиксированы в полковых штатах. Однако фактическое состояние дела на местах было таково, что знакомство состоялось больше понаслышке. Только с 1816 г. эти ключевые для грамотного обучения кавалерии составляющие начали вводиться в полках в обязательном порядке³⁸. Этому предшествовало издание «Прибавления к Предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе, содержащее школу кавалерийского солдата на лошади по одиночке или искусство верховой езды для солдата» (1815), где одиночное учение называлось «главным основанием усовершенствования войска»³⁹. Подробно излагались правила обучения «науке манежа», «чтоб он знал, как управлять лошадию и как действовать оною во всех случаях... давая лошади должные способы исполнять волю седока с точностью, ловкостью и красотой»⁴⁰. Предлагались приемы обучения езде шагом, рысью, галопом с переменной ноги, карьером, поворотам, вольтам, траверсу, прыжкам через препятствия и т. д.; переход к новым уровням сложности предполагался только после освоения предыдущих. Еще раз объяснялась правильная посадка на лошади (позитур): «Ноги от колена должны висеть прямо по отвесу так, чтобы подпруги были оными закрыты, носки кверху, пяты книзу и вывернуты немного к лошади, наблюдая никак не дотрогивать лошади шпорами; подошвы нимало не подымать и не выказывать...»⁴¹. В конце 1815 г. «Школа» была разослана в войска.

В 1816 г. вышел первый печатный «Эскадронный устав», в 1818 г. – «Воинский устав о кавалерийской строевой службе» (по сути – редакция устава 1812 г.); в следующем году – устав «О полковом конном учении» (также основанный на уставе 1812 г.); в 1820 г. вышла последняя часть устава под заголовком «О линейном конном учении». Тексты готовились при деятельном участии Константина Павловича; в значительной мере на них повлиял прусский устав, но уже не

Фридриха Великого, а Фридриха-Вильгельма III, изданный после Тильзитского мира, простой и строгий⁴².

Сначала, в 1816 г., в программу обучения было введено повиновение лошади на шагу и на рыси, в 1817–1818 гг. перешли к боковым движениям и галопу с соблюдением дистанций; к 1819 г., по утверждению П. А. Иванова, русскими всадниками были освоены правильные аллюры и посадка⁴³; наибольшие успехи были достигнуты Учебным эскадром, что доказал смотр этого же года⁴⁴. В 1816 г. началась повсеместная постройка эскадронных манежей⁴⁵, где кавалеристы с большим энтузиазмом принялись за выездку лошадей – пока без знания этой малоизвестной в России науки, но с горячим желанием освоить ее.

В 1817 г. к пятилетию победы в Отечественной войне был выстроен самый большой манеж Москвы – городской Экзерциргауз. В 1820 г. завершилось строительство манежа, предназначенного для Дворянского кавалерийского эскадрона⁴⁶. Парадоксально, но этот, один из самых обширных в Петербурге манежей, остался маловостребованным. Число дворян, желающих поступить в эскадрон, стало незначительным (ежегодно до 40 чел.). При наводнении 7 ноября 1824 г. (самом разрушительном за всю историю Петербурга) пострадали здания конюшен эскадрона: они не подлежали восстановлению, угрожая разрушением⁴⁷; погибла часть учебных лошадей. Был поставлен вопрос об упразднении эскадрона, поскольку «малое число дворян в него вступающих не вознаграждает издержек»⁴⁸. Исход вопроса был очевиден, поскольку горячим сторонником этой точки зрения был Николай Павлович⁴⁹.

Высвободившиеся за счет упразднения Дворянского эскадрона средства великий князь планировал перенаправить на реорганизацию основанной в 1823 г. Школы гвардейских подпрапорщиков для юнкеров и нижних чинов. Школа, предназначенная для «готовящихся впоследствии украсить и подкрепить собою славную российскую гвардию»⁵⁰, была создана по его замыслу и состояла под его надзором; он же разработал проект школы и инструкцию для внутреннего управления. Августейший покровитель посещал школу ежедневно и лично наблюдал за ходом строевых и классных занятий⁵¹. Преподавателями были офицеры гвардейского генштаба. Общими стараниями школа быстро развивалась⁵².

Необходимо отметить и открытие в знаковом для русской кавалерии 1816 г. военной кафедры (военного отделения) Царскосельского лицея, куда принимали дворянских юношей 10–12 лет. Выпускники отделения получали права окончивших Пажеский корпус и возможность поступить на военную службу. Преподавание верховой езды было начато здесь в том же 1816 г.⁵³; но эта

дисциплина не входила в военный курс и была обязательна для всех лицеистов без исключения, а курс длился на протяжении всего срока обучения. Ею занимались в Царскосельском придворном манеже 3 раза в неделю, посменно, на лошадях расквартированного рядом Лейб-гусарского полка и под руководством его офицеров, которые на тот момент были одними из наиболее искусственных в кавалерийском искусстве. «Мы стали ходить... в гусарский манеж, где, на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабенау, под главным руководством генерала Левашова»⁵⁴, – вспоминал И. И. Пущин. По мере взросления ученика его передавали для обучения профессиональному берейтору.

В 1816 г. была введена кавалерийская подготовка и на периферии империи – в Финляндском топографическом кадетском корпусе, открытым с 1812 г., после присоединения Финляндии к Российской империи, в местечке Гапаньеми на базе шведского Кадетского корпуса. Здесь кадеты обучались верховой езде и вольтижировке на лошадях собственного завода еще со 2-й половины XVIII в. Верховая езда была строго обязательна к изучению, так как корпус готовил не только военных топографов⁵⁵; отсюда выпускались во все роды оружия и в Свиту⁵⁶. В 1823 г. корпус был переведен в г. Фридрихсгам и переименован в Финляндский кадетский корпус.

В 1816 г. из Дворянского полка выпущены первые 12 воспитанников-казаков⁵⁷. Примерно в это же время (не ранее 1816–1817 гг.) налаживается работа с лошадьми в первом казачьем военно-учебном заведении – Омском войсковом казачьем училище (открыто в 1813 г. для подготовки офицеров Сибирского казачьего войска из казачьих детей). Первоначально обучение проходило без материальной базы; занятия по фронтовой части состояли лишь в прохождении рекрутской школы (строевой подготовки); с 1814–1816 гг. воспитанникам были доступны лишь старые казачьи сабли и деревянные ружья-макеты. Затем для воспитанников выпускного класса были введены уроки фехтования и верховой езды под наблюдением урядников, для чего предоставлялись строевые казачьи или артиллерийские лошади⁵⁸. Как и в Гапаньеми, берейтор в штате отсутствовал, как и преподаватели узких специальностей⁵⁹; вместо них преподавали отставные офицеры и казаки.

С 1819 г. обязательное обучение манежной верховой езде введено в полках Сибирского войска. «В Омске был построен каменный манеж на 3 вольта, в форпостах и редутах манежи сооружались из плетня, обмазанного глиной. Возросли требования к строевой подготовке...», – отмечает историк С. М. Андреев⁶⁰. В 1821 г. урядники Войска продолжили обучение в петербургской Берейторской школе.

Вопрос нехватки преподавателей и берейторов стоял остро. Для их подготовки в 1817 г.

учреждены сразу две кавалерийские школы – в Петербурге (под наблюдением упоминавшегося выдающегося кавалериста командира Лейб-гвардии Гусарского полка генерал-адъютанта В. В. Левашова) и в Варшаве (под наблюдением лично Константина Павловича), куда командировались офицеры из разных полков. Пробыв некоторое время при школе, офицеры возвращались к полкам, передавая полученные знания.

В 1819 г. для подготовки наставников в кавалерийские школы при Штабе Отдельного гвардейского корпуса в Петербурге была учреждена Гвардейская Берейторская школа⁶¹. Ежегодный набор составлял 30 унтер-офицеров из кавалерийских и конно-артиллерийских полков с допуском вольноопределяющихся (по другим сведениям – 70 унтер-офицеров и 30 кантонистов⁶²); впоследствии принимали исключительно 16-летних вольноопределяющихся. Школа имела сотню собственных лошадей и отличный манеж. Она стабильно выпускала – впервые в истории – в кавалерийские полки берейторов отечественной подготовки, а также давала правильно выезженных офицерских строевых лошадей, что было необычным для России, где знали только любительскую выездку⁶³.

С 1819 г. действовала кавалерийская школа для юнкеров и нижних чинов при 2-й драгунской дивизии. Помимо строевых и специально-кавалерийских дисциплин, здесь преподавались военные науки. Школа была открыта по замыслу командующего дивизией генерала-майора от кавалерии Ф. В. Ридигера; она выпускала хорошо подготовленных офицеров и отличных ездоков. Ее деятельность, как и других эскадронных школ, была недолгой; она прекратилась в 1823 г. с новым назначением командующего⁶⁴. В последнее десятилетие царствования Александра I войсковые школы были, пожалуй, единственным элементом, заимствованным из военного опыта предыдущих лет.

В 1820 г. открылась Школа для офицеров при главной квартире 1-й армии; кавалерийская подготовка здесь была обязательна и преподавалась в течение всего курса⁶⁵. Тогда же было открыто Артиллерийское училище, где кавалерийскому искусству обучалась конная артиллерия⁶⁶. В 1823 г. была открыта Школа гвардейских подпрапорщиков.

Таким образом, к концу царствования Александра I были достигнуты значительные успехи в подготовке кавалерии разных уровней. Менее чем за четверть века (по сути, за несколько лет, последовавших после Заграничных походов) было положено начало русской кавалерийской школе, известной своими достижениями. «Школа» была успешно перенесена в армию.

Однако к концу 1-й четверти XIX в. только начавшая свое оформление система закономерно имела и слабые места. На наш взгляд, ими были:

1) некомплект преподавателей – узких специалистов, учебных программ и пособий, лошадей и манежей;

2) недостаточная проработка модели «центр-периферия», что особенно касалось подготовки лошади;

3) слабое знакомство с методиками обучения, успешно применявшимися в Европе.

Достигнутые в развитии кавалерии успехи были неустойчивыми; требовалось дальнейшее совершенствование.

Примечания

- 1 См.: *Иванов П. А.* Обзор состава и устройства регулярной русской кавалерии. СПб., 1864. С. 152.
- 2 См.: *Марков А. Л.* Оклеветанный император // *Военная быль.* 1955. № 13. С. 21.
- 3 *Марков М. И.* История конницы. Ч. 3. Тверь, 1888; *Он же.* История конницы. Ч. 4, кн. 1. Тверь, 1890.
- 4 См.: *Тараторин В. В.* Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999. С. 323–366.
- 5 См.: *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. Т. 7: Эпоха императора Александра I. СПб., 1913. С. 9.
- 6 См.: *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования Государя императора Александра Николаевича, 1700–1880. Ч. I–II. СПб., 1880. С. 100.
- 7 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 17–18.
- 8 Там же. С. 73.
- 9 См.: *Шапиро Б. Л.* «Обучается в позитурю изрядно, ездит рысь и скачет»: кавалерийские рыцарские школы в эпоху Миниха // *Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории.* 2018. № 2 (18). С. 217–230.
- 10 См.: *Столетие Военного министерства. 1802–1902.* Т. 10, ч. 1. Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1902. С. 45–48.
- 11 *Vital-Durand G.* The Eye of the Cyclone at the Fall of the XVIIIth Century: the Ill-Fated Helvetic Republic (1798–1803) // *История: Факты и символы.* 2015. № 1 (2). С. 94–118.
- 12 См.: *Штакельберг К. К.* Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб., 1881. С. 56.
- 13 Прибавление к предварительному постановлению о строевой кавалерийской службе. Школа кавалерийского солдата по одиночке или искусство верховой езды для солдата. СПб., 1815. С. 7.
- 14 См.: *Милорадович Г. А.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. Киев, 1876. С. 44.
- 15 Там же. С. 81, 84.
- 16 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 176.
- 17 См.: *Жучков К. Б.* Кавалерийское наставление Д. В. Голицына: неизвестный источник французского влияния

- в русской армии в начале XIX века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 73–76.
- 18 См.: Опыт наставлений, касающихся экзерциции и маневров кавалерийского полка. Издан трудами гг. эскадронных командиров Кирасирского Военного ордена полка. СПб., 1805. С. 52, 159.
- 19 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 176–177.
- 20 Там же. С. 145–149.
- 21 См.: *Пономарев И. А.* Офицерская кавалерийская школа на Шпалерной (Аракчеевские казармы) // История Петербурга. 2011. № 3 (61). С. 10.
- 22 Воспитанники несли службу наравне с конногвардейцами.
- 23 См.: *Штакельберг К. К.* Указ. соч. С. 55.
- 24 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 227.
- 25 *Панчулидзева С. А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. Т. 2. СПб., 1901. С. 179.
- 26 Там же.
- 27 См.: *Иванов П. А.* Обзорение состава... С. 227.
- 28 См.: *Гольмдорф М. Г.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807–1859. СПб., 1882. С. 7–10; *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 182–183.
- 29 *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 140.
- 30 См.: *Баиов А. К.* Указ. соч. С. 18–19.
- 31 Там же. С. 19–20.
- 32 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 188.
- 33 *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814–1881 гг. М., 1993. С. 14.
- 34 Там же. С. 8.
- 35 См.: *Гольмдорф М. Г.* Указ. соч. С. 26.
- 36 Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 94.
- 37 *Бегунова А. И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 190.
- 38 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 82, 220.
- 39 Прибавление к предварительному постановлению... С. 1.
- 40 Там же. С. 6–7.
- 41 Там же. С. 12–14.
- 42 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 204–205.
- 43 Там же. С. 222.
- 44 Там же. С. 222–223.
- 45 Там же. С. 222.
- 46 См.: *Гольмдорф М. Г.* Указ. соч. С. 30.
- 47 См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 2: Главное управление военно-учебных заведений. СПб., 1907. С. 6–7.
- 48 Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 94.
- 49 См.: *Потто В. А.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. СПб., 1873. С. 172.
- 50 *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 110.
- 51 См.: *Потто В. А.* Указ. соч. С. 35.
- 52 Там же. С. 42–43.
- 53 См.: *Селезнев И. Я.* Исторический очерк Императорского лицея. 1811–1861. СПб., 1861. С. 9, 11–12, 136.
- 54 *Руденская С. Д.* Царскосельский-Александровский лицей: 1811–1917. СПб., 1999. С. 342.
- 55 См.: *Лалаев М. С.* Указ. соч. С. 107.
- 56 См.: Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Фридрихсгам, 1889. С. 34.
- 57 См.: *Гольмдорф М. Г.* Указ. соч. С. 137.
- 58 См.: Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915. С. 16–18.
- 59 Там же. С. 47.
- 60 См.: *Андреев С. М.* Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие, 1880–1917. Омск, 2006. С. 216.
- 61 См.: Свод военных постановлений. Ч. 1: Образование военных учреждений. Кн. 3: Образование военно-учебных заведений с их управлениями. СПб., 1838. С. 312.
- 62 См.: Военный энциклопедический лексикон. Т. 2. СПб., 1853. С. 272.
- 63 См.: *Иванов П. А.* Указ. соч. С. 184, 219–200; Свод военных постановлений... С. 312–313.
- 64 Там же. С. 223.
- 65 См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 10. Ч. 1. С. 87, 90.
- 66 См.: *Платов А. С., Кирпичев Л. Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820–1870. СПб., 1870. С. 42, 57, 59.

Образец для цитирования:

Шapiro Б. Л. Кавалерия в царствование Александра I: рецепция военного опыта XVIII столетия // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 272–278. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-272-278>

Cite this article as:

Shapiro B. L. Cavalry in the Alexander I's Reign: Reception of the 18th Century Military Experience. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 272–278 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-272-278>